

**Отзыв официального оппонента о диссертации Томоо Канадзавы
«О. П. Козодавлев и его литературная деятельность
(К истории русско-немецких культурных связей)»,
представленной на соискание ученой степени
кандидата филологических наук по специальности
10.01.01. — русская литература**

Цель диссертации Томоо Канадзавы представляется вполне актуальной, поскольку объектом ее исследования является фигура малоизученная. Осип Петрович Козодавлев (1753—1819) известен как государственный чиновник, сенатор, тайный советник, а с 1810 г. — министр внутренних дел Российской империи. Гораздо в меньшей степени известна его литературная деятельность. Автор диссертации пытается дать целостный образ этого деятеля русского Просвещения через изучение его литературного творчества, представленного в едином комплексе переводов, оригинальных художественных сочинений и публицистики.

Представляется, что к Павлу Козодавлеву были несправедливыми как его современники, так и исследователи последующего времени. Репрезентативен отзыв о нем князя П. А. Вяземского: «Третьего дня схоронили мы Козодавлева. Многие жалеют о нем, а я жалею о том, что часто смеялся над ним, хотя совесть и не упрекает меня в несправедливости. Я узнал после, что он был добрый человек, а прежде видел в нём только придворного министра, который за все и за всех хватался, сперва, чтобы получить, а потом — удержать своё место». (Остафьевский архив князей Вяземских. Том 1. — СПб., 1899. — С. 275). А.С. Пушкин был еще более резким, говоря о «совершенном бессилии и несчастной посредственности» П. Козодавлева (Пушкин А.С. Критика и публицистика. М., 2015. С. 212).

Диссертация Томоо Канадзавы в известной мере исправляет эту несправедливость. При этом диссертантка имеет в виду две основные цели. Прежде всего, это определение места П. Козодавлева в русском литературном процессе. С другой стороны, — обозначение его вклада в историю русско-немецких культурных связей начала XIX в. Оба эти аспекта диссертационного исследования заявлены вполне обоснованно.

Научная новизна представленной работы тоже не вызывает сомнения, поскольку впервые литературное наследие П.О. Козодавлева «рассматривается как самоценное явление в русском литературном процессе 1780–1810-х гг.» (с. 7–8). Структура работы, состоящей из Введения, трех глав и Заключения, отличается логикой. Во Введении, как это и положено, содержится история вопроса, которая касается разных аспектов личности и творчества Козодавлева – его биографического дискурса, просветительского аспекта творчества, а также русско-немецкого литературного контекста. В поле зрения

диссертантки вошли не только труды отечественных ученых (В.В. Сиповского, В.М. Жирмунского, П.Н. Беркова, М.Л. Тронской, Ю.Д. Левина, Н.Д. Кочетковой, П.Н. Орлова), но и зарубежные исследования (P. Brang, A. Schönle). Вполне заслуженное место в обзоре литературоведческих работ занимает научный руководитель Томоо Канадзава, Р.Ю. Данилевский, один из крупнейших компаративистов и германистов нашей страны в настоящее время. Первая глава посвящена анализу перевода юношеской драмы И.-В. Гёте «Клавиго». Во второй главе рассматриваются оригинальные произведения П. Козодавлева, помещенные в «Собеседнике любителей русского слова». Наконец, в третьей главе внимание сосредоточено на публицистическом наследии. Таким образом, литературный труд П.О. Козодавлева представлен во всех его ипостасях.

Первая глава начинается с краткого биографического очерка, необходимого для объяснения, почему совсем молодой человек взялся переводить произведение Гёте, уже прославившегося в то время как автор романа «Die Leiden des jungen Werthers». Как выясняется, к этому П. Козодавлева подвигло обучение в Лейпцигском университете в составе первой группы российских студентов, отправленных в Германию по приказу Екатерины. Он вернулся в Россию в 1774 г., обогащенный хорошим знанием немецкого языка и сведениями по немецкой культуре и философии. Немаловажным фактом в образовании Козодавлева, как, по-видимому, и А. Радищева, было посещение лекций немецкого поэта и философа-моралиста эпохи Просвещения, одного из наиболее читаемых немецких писателей того времени Христиана Фюрхтеготта Геллерта, учение которого о морали Гёте называл «фундаментом немецкой нравственной культуры».

Томоо Канадзава справедливо вписывает начало литературной деятельности Козодавлева в 1780-х гг. в благоприятствующий ей контекст. Это был период интенсивной переводческой деятельности: по инициативе императрицы в 1768 г. в Москве было создано «Собрание, старающееся о переводе иностранных книг на русский язык» с целью познакомить русское читающее общество с произведениями передовых мыслителей XVIII в. (оно просуществовало 15 лет). Императрица вместе со своими фаворитами и сама переводила просветительский роман Ж.-Ф. Мармонтеля «Bélisaire». С другой стороны, именно в это время развитие получает академическая деятельность: открывается Российская академия во главе с Екатериной Дашковой. Не случайно поэтому и Козодавлев опубликовал в 1780 г. в своем переводе трагедию в прозе Иоганна Вольфганга Гёте «Клавиго» («Clavigo», 1774), комедию И. Я. Энгеля «Der Diamant» под названием «Перстень»; а также «составил» комедию «Нашла коса на камень» (1781) по образцу французской комедии Ж. де Лафонтена (Jean de La Fontaine, 1621—1695). Свое основное внимание диссертантка уделяет переводу «Клавиго», и представленный ею

анализ подтверждает сделанные ею выводы. Однако можно пожалеть о том, что Томоо Канадзава не рассмотрела сразу три опубликованные Козодавлевым переводные произведения. Тогда возникла бы возможность сравнить принципы собственно «перевода», «переделки», по определению диссертантки, и подражания.

В этом случае стало бы более понятным, действовал ли Козодавлев-переводчик как классицист, не обращая внимания на авторский (индивидуальный) стиль, поскольку в классицизме признавалась возможность «бытия произведения, не проецированного ни на какую индивидуальность» (Гуковский Г.А. К вопросу о русском классицизме. (Состязания и переводы) // Поэтика. Л., 1928. Т. 4. С. 126–148). Правда, в диссертации вскользь упомянуто, что в русской версии комедии Энгеля он пользовался по сути методом «склонения на наши нравы». Но непонятно, можно ли утверждать, что при переводе «Клавиго» Козодавлев продемонстрировал новое отношение к оригиналу, заботясь о передаче особенностей языка Гёте, тем самым приближаясь к тому, что можно назвать сентименталистским методом перевода?

Диссертантка выбрала для анализа лучший и значительнейший из переводных опытов Козодавлева. В главе ставится вопрос, почему начинающий переводчик выбрал именно это сочинение Гёте. Трагедия «Клавиго» рассмотрена в историко-литературном и рецептивном контекстах. При этом Томоо Канадзава пересматривает концепцию В.М. Жирмунского, который полагал, что русского переводчика привлек жанр «мещанской драмы», с которым он хотел познакомить русскую публику. По мнению диссертантки, Козодавлева в большей мере привлекла реальная основа описываемых событий, связанных с участием в них знаменитого Пьера-Огюстена Карона де Бомарше. Она доказывает, что «в художественную задачу драмы Гете входило и пародирование возвышенного образа автора *Мемуаров* Бомарше» (с. 33). Опираясь на зарубежные исследования, диссертантка показывает, что скрытая полемика с Бомарше и французской культурой в целом заложена в оригинале, а Козодавлев очень точно воспроизводит эту гётевскую иронию. Томоо Канадзава достаточно убедительна в доказательстве двуплановой структуры драмы, привлекавшей внимание переводчика. Вместе с тем диссертантка высказывает интересную мысль о существовании двух вариантов оригинала, что приводит ее к полемике с Ю.Д. Левиным, который полагал, что Козодавлев сознательно изменил финал. Обращение к первому варианту Гёте делает его перевод своеобразным явлением в истории русского восприятия пьесы, поскольку впоследствии русские переводчики обращались к ее второй редакции.

Во второй главе рассмотрены оригинальные сочинения Козодавлева, помещенные в «Собеседнике любителей русского слова», который был направлен на развитие

русского языка и распространение идей Просвещения и раннего русского сентиментализма. Томоо Канадзава отбирает прежде всего три произведения, которые, по ее справедливому утверждению, «напрямую были посвящены теме человеческих чувств» (с. 55). Это – рассказ «Приятное путешествие», в котором Козодавлев дает свое представление о чувствительности в философском плане и два поэтических произведения, – «Стихи Клелии» и «К другу моему...», репрезентирующих это понятие в художественной форме. Все три сочинения диссертантка рассматривает как «комплекс», своеобразный микроцикл. Эти произведения, представляющие примеры раннего сентиментализма (1783) удачно рассматриваются диссертанткой в контексте развития в русской культуре интереса к эстетике грусти. Стихи «Клелии» были посвящены изображению страсти первой любви и связанных с ней страданий. Третье произведение «К другу моему...» посвящено Г.Р. Державину, в котором певец Фелицы предстает не как признанный поэт, но как человек, страдающий от любви и способный любить без взаимности. Это неожиданное превращение Державина в чувствительного человека, объединяет стихотворение с «Приятным путешествием» и «Клелией».

Можно согласиться с автором диссертационного сочинения в том, что все три сочинения Козодавлева «связаны между собой единой историей личности. В рассказе “Приятное путешествие” близкий автору герой-рассказчик излечивается от любви, в “Стихах Клелии” герой испытывает сердечные мучения и жаждет смерти, а в стихотворении “К другу моему...” автор, переживший в первом рассказе вместе со своим героем страдания из-за чувствительности, умудренный этими переживаниями, даёт совет поэту и “другу” Мурзе» (с. 68–69). Конечно, Козодавлев был еще достаточно прямолинейным в своей трактовке чувствительности, связывая ее в основном с моралью, добродетелью. Но в этом, по-видимому, и проявлялась прямая связь раннего сентиментализма с рационализмом, как об этом справедливо пишет диссертантка.

Отдельный параграф отводится анализу стихотворной сказки «Сновидение», к которой никто из литературоведов до Томоо Канадзава не обращался. Она убедительно демонстрирует, что пронизывающие произведение мифологические мотивы «подаются Козодавлевым в стилистике французского и немецкого рококо (Вольтер, Виланд)», в виде «литературной игры», «эстетического украшения сюжета» (с. 75). Вместе с тем диссертантка обнаруживает любопытную деталь: наряду с традиционно-европейскими мифологическими образами, Козодавлев включает одного бога из древнеславянской мифологии. Набор богов в «Сновидении» отсылает читателей к «Психее и Купидону» – сюжету, на основе которого Богданович написал «Душеньку». Очень привлекательным принципом работы Томоо Канадзава в целом является ее постоянное обращение к

историко-литературному контексту. Так и в этом параграфе она много и по существу говорит о мотиве сна в современной Козодавлеву литературе.

С другой стороны, удачей представляется внимание диссертантки к упоминаемому в «Сновидении» слову «Монгольфьер». Вполне убедительна мысль, что Козодавлев имел в виду французского изобретателя Mongolfier, открывшего полеты на воздушном шаре. Воздушный полет 1783 года и публикации об этом событии, появившиеся позже, вызывали отклик и у немецких писателей, среди которых был и Виланд. Он с большим интересом воспринял это событие, в чем можно убедиться, судя по его статьям и стихам, опубликованным на страницах журнала «Der Teutsche Merkur» за 1783 год. И вполне возможно, что Козодавлев, поклонник немецкой культуры и литературы, мог познакомиться с этой статьей и включить свои ассоциации в «Сновидение».

В третьей главе рассматривается публицистика П. Козодавлева, а именно его статьи о «Детском музее», помещенные в «Северной почте, или Новой Санкт-Петербургской газете». Эта деятельность относится уже к позднему периоду жизни Козодавлева, связанному с его должностью министра внутренних дел (вступил в нее в 1808 году). Продолжая развивать идеи Просвещения, он считал нужным рассказывать читателям о наиболее значимых писателях и периодических изданиях. Для своего анализа Томоо Канадзава выбрала материал, до сих пор не изучавшийся. Это отклики на ежемесячный журнал «Детский музей», «важность издания которого Козодавлев не раз подчёркивал» (с. 103). Любопытно, что вновь Козодавлев интересуется журналом, связанным с немецко-русским литературным дискурсом, поскольку, «Детский музей» был создан на основе издания веймарского публициста и мецената Ф.Ю. Бертуха.

Козодавлев высоко оценил содержание и оформление «Детского музея», считая, что он наследовал традиции великого педагога Яна Коменского, хотя и не прямо, а через посредничество журнала Бертуха с очень развитыми в этом журнале педагогическими тенденциями. Интересны материалы, свидетельствующие об интересе Козодавлева-министра к раннему развитию талантов детей, их способности к творчеству.

Выводы, к которым приходит Томоо Канадзава в Заключении, вполне аргументированы и убедительны. Можно согласиться с тем, что сочинения Козодавлева-литератора соответствуют уровню «зарождающейся массовой литературы», в которой намечались просветительские и сентименталистские тенденции (с. 126).

Особо хочется отметить хороший стиль и грамотность изложения, что особенно ценно в диссертационном сочинении иностранного соискателя. Опечаток и стилистических погрешностей совсем немного: на с. 41 – допущено несогласование; на с. 43 есть опечатка (*heuraten* вместо *heiraten*) и некоторые др

Высказанные замечания и пожелания имеют частный характер. Томоо Канадзаве удалось впервые дать в диссертации целостный образ О.П. Козодавлева – личности, общественного деятеля, переводчика и литератора, обращаясь при этом к малоизвестным материалам, иногда впервые вводимым в литературный оборот.

Публикации и автореферат полностью отражают основные положения диссертации. Диссертационное исследование Томоо Канадзавы «О. П. Козодавлев и его литературная деятельность (К истории русско-немецких культурных связей)» соответствует требованиям, предъявляемым ВАК РФ к диссертациям на соискание ученой степени кандидата филологических наук (п. 9–10 «Положения о порядке присуждения ученых степеней, утвержденного постановлением Правительства РФ от 24 сентября 2013 № 842»). Автор работы, Томоо Канадзава, безусловно достойна искомой степени кандидата филологических наук 10.01.01 – Русская литература.

О.Б. Кафанова
доктор филологических наук, профессор,
заведующая кафедрой межкультурных коммуникаций
ФГБОУ ВО Государственный университет
Морского и речного флота

198035, г. Санкт-Петербург, ул. Двинская, 5/7
8(961)8010862
olg_kaf@mail.ru

